Price in NYC 50¢, outside of NYC $1

стр.8-11

косыгин
ВОТ ТАКАЯ БАЙДА

ТАЛАНТ-ЛИВЫЙ ДУРАК

стр.14-17

№8 (193)
ФЕВРАЛЬ 2024

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

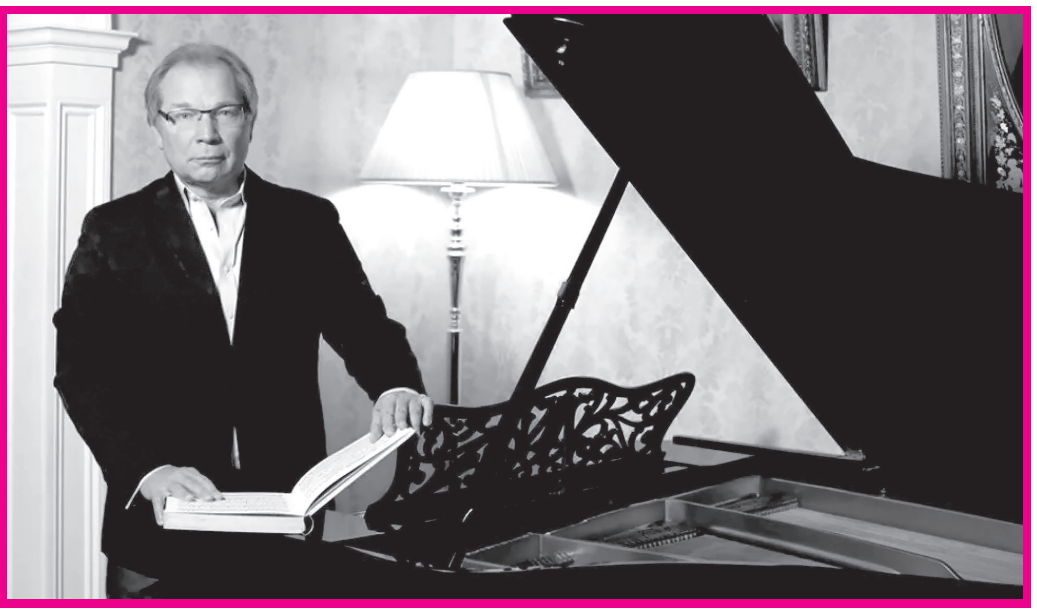
БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

ИСТОРИЯ «ИНСТИТУТКИ»

стр.20

ДОБАВИТЬ ТРЕПЕТ В МУЗЫКУ

стр.4-7



ДОБАВИТЬ ТРЕПЕТ В МУЗЫКУ

Пианист, народный артист, профессор и педагог Академии музыки имени Гнесиных и Института музыки имени Шнитке, основатель Международного благотворительного фонда - это все Юрий Розум.

Геннадий Норд

- С чего начинался твой путь в музыке? Кем были твои учителя?

- Можно сказать, что путь начинался в утробе матери, потому что моя мама Галина Рождественская - музыкант, главный дирижер-хормейстер Академического хора русской песни Гостелерадио, а папа Александр Розум - известный певец-баритон, народный артист.

Поэтому рос я в абсолютно музыкальной колыбели. Я очень любил петь, но совсем не попадал в ноты. И родители вовсе не собирались из меня делать музыканта. Позднее, правда, случайным образом выяснилось, что я имею абсолютный слух. Такое бывает, когда слух очень тонкий, а координации с голосом нет.

В итоге стали учить. В пять с половиной лет я начал заниматься музыкой, а в шесть выступать с папой на концертах, аккомпанировал совсем простенькие песни типа неаполитанских.

Затем год в подготовительной школе при Институте Гнесиных. Только она мне отбила всю охоту заниматься музыкой.

Потом я поступал в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории. Попал в класс совершенно гениального педагога Анны Даниловны Артоболевской. Помню, в первый день проиграл на рояле целых четыре часа, хотя раньше с трудом высиживал 15 минут. И на уроках с ней как раз и появилось желание стать профессиональным музыкантом.

Хотя сказать, что я очень горел тогда занятиями, не могу - скорее происходило музыкальное накопление, которое потом вылилось в желание «работать» на фортепиано.

Последние три года по решению экзаменационной комиссии ЦМШ уже перешел на занятия специальностью в Консерваторию к доценту Евгению Малинину. И когда поступил в Консерваторию, продолжил заниматься под его руководством. Затем была аспирантура у профессора Льва Наумова. И Евгений Васильевич, и Лев Николаевич были учениками и последователями великого Генриха Нейгауза. Так вот начинался мой путь и моя школа.

- Сколько же лет в целом набирается?

- Процесс обучения бесконечен. Вся жизнь музыканта - это школа, я до сих пор чему-то учусь.

- Помнишь свои первые гастроли?

- На третьем курсе меня отобрали на Международный конкурс имени королевы Елизаветы в Брюссель - один из самых престижных в то время.

Я проходил на него первым номером и должен был хорошо подготовиться. Меня даже освободили от занятий в Консерватории. Тогда «Союзконцерт» организовывал туры для тех, кто прошел на серьезные смотры. Это делали для того, чтобы мы обыгрывали свои номера на небольших программах. И я получил приглашение на такой подготовительный тур в Ереван. В только что отстроенном Доме камерной музыки я солировал. Хотя народу было мало, трясся как осенний лист.

- На каких музыкантов ты равнялся в юности?

- Это, прежде всего, Сергей Рахманинов и Владимир Горовиц. Опять же, я много читал и представлял себе, как мог бы играть Ференц Лист или Антон Рубинштейн. Из более поздних - Мария Юдина и Эмиль Гилельс. А из современных не буду перечислять. Кого-то не назовешь, обидится.

- Какие композиции тебе больше нравится исполнять?

- Моя область - это романтика. Это могут быть медленные, философские и задумчивые композиции или, наоборот, виртуозные, где страсти выплескиваются наружу, как извержение вулкана. Причем, я не могу выделить одно-два любимых произведения. Их много, они меняются. В какой-то период любишь более грустные мелодии, в какой-то - более радостные.

Конечно, через всю жизнь проходят такие мощные шедевры, как Первый концерт Чайковского и Второй концерт Рахманинова. Из зарубежной в моем репертуаре много миниатюр Фридерика Шопена, Иоганнеса Брамса, Роберта Шумана. Мне очень близок Бетховен. В меньшей степени касаюсь Моцарта и совсем не играю Баха.

- Ты виртуозно исполняешь, а писать пробовал?

- Могу поимпровизировать для себя или друзей. Ты же слышал. Но никогда не записывал, хотя те, кто слушал, часто настаивали на этом.

Я считаю, что, если заниматься сочинительством, надо пройти серьезную школу: не хочется быть в музыке дилетантом. Как профессионал-пианист я не хочу спускаться до любительского уровня в композиции.

- Как найти контакт с публикой?

- У меня был период в студенческие годы, когда играешь сам себе и все получается замечательно, а приходишь к педагогу или в концертный зал - рассыпается. Я пожаловался Льву Николаевичу Наумову.

А он говорит:

- Да это абсолютно собачье дело!

Я:

- В каком смысле?

Он:

- Можно натаскать себя, как собаку, играть не для себя, а для других. Посади рядом с собой сестру или подругу и играй конкретно ей. Попробуй передать весь посыл не словами, а звуками.

После концерта Фонда Розума

И я понял. Когда привыкаешь, что музыка имеет конкретный посыл для аудитории, тогда она начинает раскрываться совсем по-другому и проникать. Тогда публика тебя не напрягает, а воодушевляет.

Для меня высочайший пример пианизма - Горовиц. У него и записи потрясающие, и общение с залом такое, что всех трясло, когда он играл.

Мне самому необходимо контактировать с публикой. Я не люблю записывать диски в студии. Там мне нужно себя сначала очень сильно завести - сыграть пять-семь раз, чтобы войти в нужное состояние. А с публикой - сразу. Начинаешь с ней разговаривать на музыкальном языке, она вовлекается и дает обратный импульс. Тогда все рождается.

Надо учиться играть для слушателей, а не для себя. А на самой сцене можно попробовать метод Рубинштейна. Он говорил, что выбирает какую-нибудь девушку в зале, начинает ей играть, а потом подключаются все остальные.

- Правда, что ты стоишь на голове перед выходом на сцену?

- Да, правда. Это собирает мысли в одну точку. Как правило, перед концертом очень много отвлекающих моментов и забот. Всё накапливается, обрушивается на тебя. Мысли, как говорят китайцы, скачут, подобно обезьяне, с одного дерева на другое. Для того чтобы выйти на сцену, нужно быть предельно собранным. И мне помогает в этом йога, а еще пара стихотворений для настройки души. Йогой я начал заниматься в 17 лет и с тех пор стараюсь посвящать ей хотя бы немного времени каждый день.

- Ты много лет занимаешься благотворительностью. Как пришел к этому? Как Международный благотворительный фонд Юрия Розума помогает юным музыкантам?

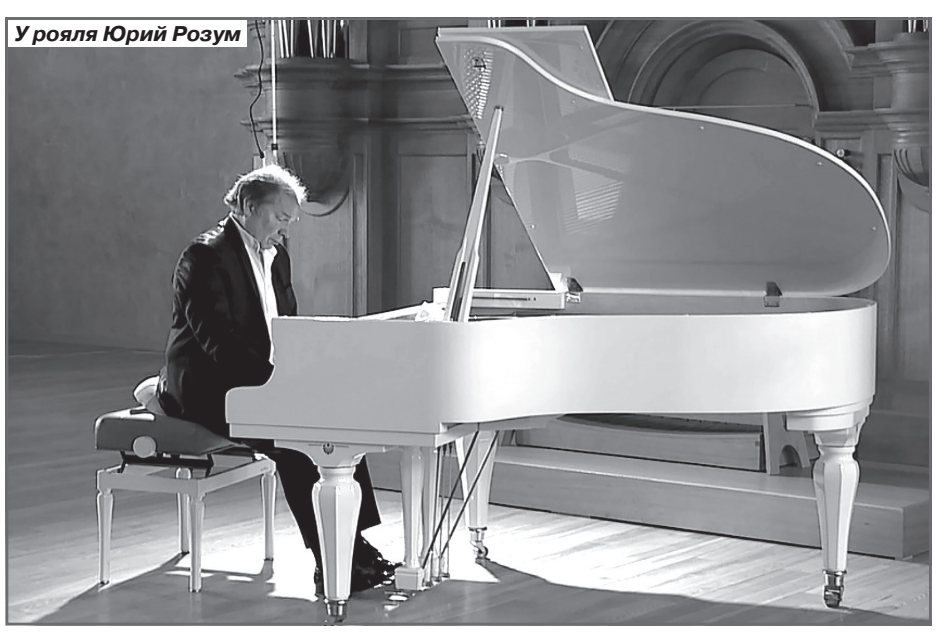
- Много лет назад у меня сгорел дом, и это было трагедией. Сгорела часть жизни, которая там происходила. В нем было много дорогих памятных вещей нашей семьи. Одни из ближайших гастролей проходили на Урале. И я узнал, что в области случился пожар в доме престарелых и частном жилище. Тогда я попросил сделать благотворительный концерт, чтобы как-то помочь пострадавшим. И так все пошло.

Позднее сконцентрировался на помощи одаренным детям. Хотя и это направление витало в воздухе с самой юности. Когда мы с папой ездили на гастроли и потом, уже во времена сольных концертов, я часто наблюдал ситуации, когда талантливый ребенок, не будучи поддержан или направлен кем-то, мог загубить свою жизнь.

Ведь талант - это потенциальная возможность яркого развития, которое может быть направлено как вверх, так и вниз. Как и вся наша жизнь - куда мы повернем, выбираем сами.

Но иногда эту свободу выбора определяют обстоятельства. Я часто видел, как талант шел в разрушительном направлении. Ни семья, ни друзья не поддерживали творческое начало, его некому было направить, и тогда человек пропадал: курение, наркотики, алкоголь с самого

Окончание на с.6



У рояля Юрий Розум

Концерт для Розума с оркестром

Окончание. Начало на с.5

раннего возраста, а в итоге - криминал и даже смерть. Талант может, как мгновенно взлететь, так и молниеносно рухнуть. Все это очень тревожно.

В подмосковном поселке Загорянский, где сгорел наш дом, была музыкальная школа, очень нуждавшаяся в помощи, иначе ее бы закрыли. Я загорелся мыслью создать фонд для поддержки этой школы. В итоге ей построили новое здание, купили инструменты. Постепенно фонд расширялся, и мы сосредоточились на поддержке детей страны - стали проводить программы нравственного попечительства, творческой помощи, материального содействия, помощи детям больным, сиротам, даже тем, кто в юном возрасте нарушил закон.

- Что любишь перечитывать на досуге?

- У меня досуга, к сожалению, нет. Больше 300 выступлений в год, если считать все выходы на сцену, фонд, два вуза, два фестиваля.

А в детстве у меня была большая библиотека. Я постоянно клянчил деньги у родителей на книги. Каждый день бежал на Неглинку в нотный магазин или на Арбат в букинистические лавки. Жаль, что многие собрания сгорели при том пожаре. Для меня книги были сумасшедшей страстью.

Из любимых авторов в литературе я бы назвал поэтов. Поэзия ближе к музыке. Сочинения Пушкина, Тютчева, Блока, Пастернака для меня невероятно важны - они гармоничны и отвечают требованиям моей души.

- Наверное, нет точки на земном шаре, где бы ты не выступал. А где приятнее всего играть, в какой стране самые благодарные слушатели?

Работа с талантливыми детьми

- По национальному признаку и стране люди точно не отличаются. И неважно, как они выражают свои эмоции. Да, наверное, швейцарцы более сдержанные, чем итальянцы, но момент единения с публикой не зависит от того, как они выражают свое впечатление. В Америке это сразу стоячие овации, в Германии часто топают ногами, создавая жуткий гул, в Италии кричат и вскакивают с мест.

Но самое важное, момент контакта с сердцами слушателей через музыку практически не отличается. Если он установлен, то не важно, как они будут реагировать, могут вообще молчать, но ты чувствуешь результат. К счастью, бог дал мне возможность проникать в души и чувствовать слушателя, а для меня это самое важное.

- Ты любишь модно одеваться?

- Я люблю красивые вещи, хоть и мало что в них понимаю. Вкус у меня достаточно консервативный, например, никогда в жизни не надену смокинг с кедами, как сейчас модно.

- Дочка в тебя пошла?

- Дочка, конечно, тоже любит красиво одеваться, но у нее же мама - моя бывшая жена, работала моделью. Если мы вместе с Сашей куда-то выходим, то она всегда спрашивает мое мнение, что ей лучше надеть. Дочка вообще ко мне во многом прислушивается, как-никак, я был отцом-одиночкой на протяжении десяти лет. Дочь жила со мной в течение всей своей школьной жизни, с первого класса. А к маме ездила только на выходные. Притом, что у нас с бывшей женой прекрасные дружеские отношения после расставания.

- Ты был женат лишь раз, и развелся. Почему больше не решился на новый брак?

- А вот и нет, я был женат трижды, просто никогда об этом не рассказывал.

Первый брак в 1977 году был юношеским и в какой-то степени курьезным. Это была моя однокурсница, с которой у нас случился роман на последних курсах консерватории. Мы поженились, когда я был призван в армию на срочную службу. Моя любимая была родом из Баку, где сильны восточные традиции. Весь город знал о нашем романе и все ждали свадьбы. И я понимал, что просто обязан жениться, хотя не чувствовал перспективы наших отношений. Мы оба темпераментные и заводились с пол оборота. Вспышки случались по несколько раз в день, потом примирения, иногда пылкие, иногда нет. В итоге, я женился, находясь на службе в армии, и получил штамп в военном билете.

Но ровно через год я принял решение, что нам нужно расстаться, потому что мне этого года хватило на всю жизнь.

- Непросто с восточной женщиной?

- С женщинами вообще непросто, а с восточными особенно. Она очень быстро вспыхивает и тут же отходит, а меня надо сначала долго доводить, но потом я готов крушить все вокруг. В общем, второй штамп - о разводе, я получил в тот же военный билет, еще служа в армии и не имея паспорта. И когда получил после дембеля паспорт, он был абсолютно, девственно чист!

- Первый брак ты назвал курьезным, а второй?

- Второй был тайным и случился лет через 7-8 после первого. Года два у меня был очень пылкий роман с одной девушкой, но так случилось, что мы расстались. И вот на этом эмоциональном пепелище я согласился на брак, к которому меня толкали, чуть ли не с детства.

Это была дочка друзей родителей, моя подруга детства. Давление было очень сильным, но я бы никогда не поддался, если бы не случилось того расставания с девушкой, которую я сильно любил. Подумал, что может быть, действительно это правильно, вышибить клин клином?

Но потом я осознал, что нельзя жениться без любви, а с моей стороны любви не было. Была только симпатия и уважения, приятные детские воспоминания. Но не возникло ни чувств, ни притяжения, ни желания жить вместе. И за несколько дней до свадьбы я пришел к ней и честно сказал:

- Прости, но я не могу быть твоим мужем. Не готов, ничего не чувствую.

Для нее и наших семей это конечно была катастрофа.

- Значит, так у тебя и второй штамп в паспорте не появился.

С Зинаидой Кириенко

С Геннадием Нордом

С дочерью Александрой

- Не появился. Женился я только в начале 90-х, а до того мы с Ириной несколько лет встречались. Этот брак был уже основательным и подарил мне дочь Александру. Хотя, признаюсь, в ЗАГС мне идти совсем не хотелось. Но, тем не менее, жили мы прекрасно, я ее брал с собой на гастроли по всему свету. Но Ирине хотелось ребенка.

- А тебе?

- Совсем не хотелось. Но поскольку я любил эту девушку и понимал, что ей это очень нужно, то не сопротивлялся. Тем более, головой то понимал, что согласно всем традициям у мужчины должен быть продолжатель рода, наследник.

- Как же ты решился забрать дочь себе после развода?

- Мы оба понимали, что так будет лучше для ребенка. Я знал, что с Сашей будут постоянно и много заниматься. У нас был серьезный кастинг нянь, причем, он длился много лет. Кто-то первые месяцы старался себя зарекомендовать хорошо, а потом расслаблялся, пользуясь тем, что я в отъезде. И Саша начинала сползать и по оценкам, и по своему психологическому состоянию. Пока я не нашел чудную женщину из Баку, которая стала членом нашей семьи на долгие годы. Ее сын замечательный бас, пел в Мариинке, и однажды мы с ним приехали дать концерт в Бакинской филармонии. Там я познакомился с его мамой, сразу почувствовал, что это тот человек, что мне нужен и пригласил ее в Москву. Она приехала попробовать, и так и прижилась, хотя Сашка ее поначалу немножко недолюбливала за строгость.

- А почему все-таки расстался с Сашиной мамой, раз ты ее любил? И почему больше не женился?

- Вспыльчивость моя тому виной. После развода у меня были достаточно серьезные отношения, но не те, что «на века». Жить под одной крышей с кем-то я больше не готов. Мне комфортно жить так, как я живу, имея любимое дело, которое меня занимает не на сто, а на тысячу процентов. У меня есть друзья, которых я очень ценю и люблю. У меня есть дочка, которая для меня самый близкий и дорогой человек.

- Кого из современных пианистов ты особенно бы выделили? Кто продолжит твое великое дело?

- Из поколения, которое моложе меня, но уже вошло в историю, я, пожалуй, выделю Дениса Мацуева. Денис - невероятно одарённый человек, правда, это совсем не моё направление. Шокирующая виртуозность, яркость, экстравертность, свойственная ему, и в меньшей степени, внутренняя теплота, погружённость. Это его стиль. То, что он нашёл свой путь между классикой и джазом, не может не заинтересовать.

- Многие провозглашали конец века искусства. Но искусство до сих пор живо, несмотря на все споры вокруг него. Что для тебя лично искусство сегодня и возможно ли ещё создать нечто кардинально новое?

- Я уверен, что всё развивается волнообразно, после отсутствия в музыке души, красота и чувство обязательно вернутся в искусство.

- Что составляет основу твоего репертуара?

- Девяносто процентов - это романтики, и оставшиеся десять - это классики. Современный репертуар я не играю, мне это не близко. Столько не игранной музыки! Композиторы-романтики так замечательно раскрыли возможности фортепиано, как никто до них и никто после них. А жизнь коротка и желаний много. В музыке мне нужна страсть, порыв.

- В этом году исполнилось бы сто лет твоему папе…

- Папа был известным певцом в Советском Союзе. Его голос был символом песенной эпохи. Его называли певцом трибун. Все песни о родине, народе исполнял Александр Розум, народный артист. Его голос знал каждый. Потому что на всех праздниках, парадах отовсюду, из всех громкоговорителей и приёмников нёсся его голос - ярчайший баритон.

Он ушёл рано, в расцвете творческих сил - в 63 года. Его записи уже после смерти услышал один известный немецкий дирижёр из Мангейма. Он сказал, что если бы его знали за рубежом, то он бы не вылезал из Венской оперы. Но так жизнь сложилась. Значит, он здесь был нужнее.

- Дай совет пианистам, как стать по-настоящему великим?

- Хороший вопрос, знать бы! Только искать себя, свои интонации, и этим быть интересным публике. Твоё внутреннее естество, индивидуальность - это самое волнующее, интересное. Мне лично ничего не даёт изучение самого композитора, его жизни. Пока я не услышу это произведение, пока я не вжился в каждую интонацию, пока у меня не появилось ощущения, что я написал это, надо работать, неустанно над сочинением, думать, прислушиваться к себе.

Нужно иметь открытое сердце. Если ты не чувствуешь эту музыку, то надо искать музыку в себе и себя в музыке. Можно слушать разные интерпретации, но с осторожностью. Я играю то, что мне близко и что становится своим. Мой совет - освоить все традиции и все краски фортепианной игры, профессиональные навыки, чтобы потом всё подчинить своим чувствам.

Другая сторона становления личности пианиста - это научиться играть для зала. Не для себя самого, а для зала. Есть два типа пианистов. Первый занят созданием великой интерпретации вне всякой связи с аудиторией. Другой - не так сильно озабочен техническим совершенством и верности традициям, но от играет от сердца к сердцу.

Первый тип исполнителя олицетворяет Глен Гульд, которому аудитория только мешала. Второй тип - это Владимир Софроницкий, которому, наоборот, мешала запись.

Весь фортепианный мир лежит между этими двумя полюсами.

Золотая середина - Владимир Горовиц. Невероятное воздействие на публику и великая игра. Молодым пианистам надо научиться играть не для себя и стен, а для зала. Обмен энергией с публикой добавляет трепета в музыку.